

Наталья Крачковская:

Густой бас, удешевленный усилителями, гремел с крыши Театра на Таганке: «Не упустите шанс! Сфотографируйтесь на память с любимой актрисой Крачковской!» Обрадованный народ бежал в указанную сторону, откуда через каждые десять секунд слышались радостные вскрикивания и щелчки «Полароида». Спустя некоторое время Наталья Леонидовна, с трудом притиснувшись сквозь толпу поклонников, схватила меня за руку и отвела в театральную гримерку. С неожиданной для ее веса ревностью запрыгнув на стол, Крачковская кивком пригласила сесть рядом.

— Надо же! Снимок стоит семьдесят тысяч, а народ даже в очередь выстроился, чтобы в ваших объятиях щелкнуться. Интересно, часто вы таким образом поправляете свой бюджет?

— За это я ни копейки не получаю — так положено. А все вырученные деньги идут в фонд театра, в котором мы работаем. Что поделаешь, сейчас время такое... Но не думайте, что я автографы исключительно продаю — никогда не могла обидеть человека своим отказом. К тому же, когда просят автограф, всегда приятные вещи говорят.

— А что, часто бывали случаи, когда говорили что-то неприятное?

— Как-то я зашла в переполненный автобус, естественно, «слегка» потеснив толпу, и

— Обычно одно, но я прошу два.

— И тогда встает второй человек?

— Я так подвинусь, что второй уже (ха-ха) не сможет сидеть...

Нас отрывает вбежавшая в гримерку девочка лет пятнадцати, которая настоятельно требует от Крачковской автограф «на халву», подкрепляя просьбу фразой: «У меня ведь все ваши новые фильмы есть! Крачковская, скривив лицо, отвечает: «Лучше бы вы старые фильмы смотрели», — однако автограф все же дает.

За роль ведущей на телевидении мне не платят. Даже сосисками.

— Можно подумать, что в новых фильмах вы только из-за денег снимались.

— Да нет, эти фильмы мне тоже нравятся. Но меня больше волнует, смотрит ли народ комедии Гайдая, к которому я очень трепетно отношусь. Фильмы этого человека должны жить вечно.

— Между прочим, ходил слух, будто во время съемок «Иван Васильевич меняет профессию» у вас действительно был бурный роман с вашим киноколлегой Юрием Яковлевым...

— Интересно, когда вы ездите в общественном транспорте, сколько вам сразу уступают мест?

Собеседник - 1996 - 16-23 сен (N 34) c. 10

Я УМЕЮ КУСАТЬСЯ. И ОЧЕНЬ БОЛЬНО

— Но все же романы во время съемок у вас с кем-нибудь случались?

— Гм-гм. Как бы... э-э-э... Вы знаете, об этом не говорят. Я не хотела бы делиться личной жизнью с моими почитателями.

— Кстати, я заметила, что недавно вы поменяли прическу и цвет волос. Обычно женщина решается на такой шаг только в двух случаях — когда от нее уходит мужчина или когда появляется новый...

— От меня никто не уходил и ко мне никто не приходил. Все дело в том, что сейчас лето, жарко, поэтому и подстриглась коротко. А цвет волос меняется очень легко — с помощью краски. У меня все проще.

— Что касается простоты, позволило себе усомниться, подкрепив это воспоминанием о совершенно реальной истории из вашей жизни. Еще будучи школьницей, вы заявили своей матери, что хотите стать актрисой, а она вас начала отговаривать: «Если ты будешь играть Джулетту, где найдется балкон, который тебя выдержит?»

— Ха-ха-ха! Действительно. Я еще ответила: «Может, балкон и найдется, но вот где найти такого Ромео, который станет под тот балкон?»

— За долгое время творческой карьеры хоть что-то под вами рушилось, подтверждая слова, сказанные в сердцах матери?

— Господи, да сплошь и рядом! Непонятно на како расчитывают эти декорации и сцены! Прямо дискриминация: все подмостки строят исключительно на семидесятилограммовых — прямо издевательство! Давайте хотя бы построим до ста. А то делают пол из фанерки в несколько миллиметров, и у меня всегда бывает такое впечатление, будто он сейчас рухнет. В театрах, слава Богу, строят немного покрепче, а на съемках фильмов вечно меня ничего не выдерживает — для меня декорации как будто одноразовые делают.

— А травмы какие-нибудь были?

— Серьезных, слава Богу, нет, но синяки и ушибы постоянно. Но что делать, человек я заметный, ха-ха! Объясняю, как я говорю.

тественно, будет похож на меня.

— Как-то видела вас вместе с внуком и поразилась внешнему сходству. Когда мальчик вырастет, вы хотите, чтобы он стал похож на ба-бушку?

— Нет, ему не надо быть пухлым, это, как говорится, привилегия женщин. К тому же у него есть родители, и что они там с ним делают, не знаю.

— То есть вы не даете советы по воспитанию внука?

— Я не имею на это права — у ребенка есть мама и папа, которые и должны его воспитывать. А моя привилегия — баловать, за что мне и достается от сына.

— Вы только что вернулись из Греции...

— ...где я провела две недели. У меня есть очень хороший друг, и он мне сделал подарок в виде путевки. А вообще я так люблю отдых, что мне все равно где отдохнуть — даже дома могу с удовольствием.

— И что же вы будете делать, сидя безвылазно в четырех стенах?

— «Чистить перышки»,ходить в одном сарафане, не думать, что надо рано вставать, что нельзя сегодня ничего лишнего съесть, так как завтра надо быть о-го-го. В общем, буду просто листочком природы.

— Вы всегда кажетесь такой доброй и безобидной, что не верится в существование у вас недругов. Их действительно нет?

— Наверное, есть, но я об этом ничего не знаю — пока они явно себя не проявляли, только инкогнито. К тому же я далеко не безобидна. Я умею укусить, и очень больно, когда это нужно. Умею постоять за себя, и не только за себя.

— И как часто вам приходит-ся это делать?

— Постоянно. Жизнь сейчас такая, что надо это уметь. Я ведь Стрелец и Тигр одновременно — так что здесь все ясно.

— Раньше-то вам жилось лучше?

— Просто сейчас я стала старше — пришло время, когда надо побольше отдыхать и поменьше работать. Вот все говорят: раньше было лучше. Естественно, потому что раньше мы были молоды. Только и всего.

— Я смотрю, вы оптимистка.

— Само собой. Стараюсь свои проблемы ни на кого не вешать — это мое правило в жизни.

— Неужели вас жизнь никогда сильно не била?

— О-о-о, еще как! И наверное, еще будет быть, но надо уметь сопротивляться, чего бы ни случилось. Что я и делаю.

Марина АНДРИЕНКО.

Крачковская Наташа
16.09.96